

Глава 3

Рано утром в сад Юэхе нагрянула целая процессия. Под предводительством трёх дам из ветвей, чьи дочери счастливо избежали замужества, в покои ввалилась толпа служанок и старух-нянек. Они притащили с собой роскошные наряды, шкатулки с украшениями и всевозможные притирания — было ясно, что Чжун Цая намерены примарафетить по высшему разряду.

Глава семьи Чжун тоже не заставил себя ждать. Вслед за ним слуги внесли свадебные дары от семьи У — ровно сто двадцать тяжелых сундуков.

Чжун Цай уже был на ногах. Он коротал время в главном покое, потягивая чай вместе с отцом. Постепенно комната заполнилась: явились все «наложницы-певуньи» из гарема Чжун Гуаньлиня и орава его ещё не пристроенных братьев и сестёр.

Увидев гостей, юноша поднялся им навстречу.

Глава семьи первым делом протянул Чжун Цаю два свитка с контрактами.

— Вот те слуги с «мёртвым» договором, которых я обещал, — с улыбкой произнёс он. — Взгляни, подходят ли? Если нет, ещё есть время заменить.

Он взмахнул рукой, и двое ничем не примечательных молодых людей тут же вышли вперёд, почтительно кланяясь новому господину.

Чжун Цай мазнул по ним взглядом. Было очевидно: талантами они не блещут, но и вряд ли совсем безнадежны. Спрятав контракты за пазуху, он коротко бросил:

— Благодарю, глава. Чжун Да, теперь они на тебе.

В ту же секунду из тени бесшумно соткался неразговорчивый мужчина. Такие стражи, по обычаю приставленные к прямым потомкам, обычно обладали лишь Жёлтым рангом способностей. Они выходили «в свет» только по достижении двенадцатого уровня Сферы Небесного Притяжения, будучи уже в почтенном возрасте. Имена им давали те, кого они охраняли.

Чжун Да увёл слуг обратно в тень, скрывшись в углу комнаты.

***

Увидев, что юноша не стал привередничать, глава семьи Чжун передал ему список даров.

— А это перечень приношений от семьи У. Сверься с количеством.

Чжун Цай не стал церемониться и принялся за проверку. Начав с первого сундука, он деловито сверял позиции и тут же перекладывал ценности в разные сумки из горчичного семени. Его движения были точными и спорыми.

Чжун Цяо-эр, наблюдавшая за этим со стороны, не выдержала:

— Ты и вправду собрался всё пересчитывать? Думаешь, кто-то осмелится покуситься на твои «свадебные дары»?

Она намеренно выделила последние слова, и в её голосе сквозила неприкрытая зависть. Приношения семьи У, выставленные на всеобщее обозрение, впечатляли. Те, кто уже успел мельком заглянуть в список приданого, прикинули: общая стоимость даров превышала пятьсот тысяч золотых. Многие вещи были и вовсе бесценными — из тех, что не купишь ни за какие деньги. Жёны ветвей Чжун разузнали, что семья У не планировала тратить на этот брак, но «символический жест» в понимании великого клана оказался куда щедрее, чем могли представить провинциалы. Для молодого поколения это и вовсе было сказочным богатством.

Дочери клана Чжун, выходявшие замуж раньше, получали в дар максимум пятьдесят тысяч. Здесь же сумма была в десять раз больше! И хотя три «жемчужины» клана всё ещё не желали идти под венец с калекой, вид сундуков заставлял их сердца сжиматься от жадности.

Что уж говорить о братьях со скудными талантами — те и вовсе зеленели от зависти.

«Знай я раньше, что дадут столько, то, пожалуй... — проносилось в их головах. — Но время уже упущено».

Чжун Цай лишь мысленно фыркнул.

«Ну и в чём смысл этой болтовни? — Слова Цяо-эр были для него пустым звуком. — Конечно, я должен всё проверить до последней нитки. Кто знает, что ждёт меня в семье У? Без подготовки там и дня не протянешь».

Впрочем, вслух он сказал совсем другое, приняв напускной благородный вид:

— Если я сверюсь со списком при всех, это лишь подчеркнёт беспристрастность и щедрость главы. Да и злым языкам повода для сплетен не останется.

Затем он вскинул бровь и, не оставив сестрице ни шанса сохранить лицо, добавил:

— Кузина Цяо, тебе уже пора бы и самой замуж, а ты таких простых вещей не понимаешь. Или

твой тон означает, что ты вдруг передумала и жалеешь о своём решении?

Глава семьи лишь улыбнулся, не став упрекать юношу.

— Люди из семьи У уже ждут снаружи, — мягко напомнил он. — Пора начинать приготовления. Цай-эр почти закончил, не заставляйте его ждать вас.

Дамы тут же засуетились, раздавая приказы служанкам. Все понимали: главе выгодно, чтобы Чжун Цай подтвердил получение всех ценностей прилюдно — это избавит клан от хлопот в будущем. И хотя сумма казалась огромной, несколько сотен тысяч золотых для старейшин клана были лишь горстью «таинственных жемчужин» — даже на одну приличную пилюлю для Прародителя не хватит. Глава не стал бы марать руки ради такой мелочи. А вот поведение Цяо-эр лишь раздражало своей неуместностью.

Девушка и сама поняла, что сболтнула лишнего, и поспешила спрятаться за спинами родственников.

Чжун Цай, удовлетворенный проверкой, убрал последние вещи в сумки и вновь поклонился главе.

— Тётушки, всё ли готово? — обратился он к дамам. — Племяннику пора наводить красоту.

Присутствующие лишились дара речи.

«Неужели он настолько жаждет замуж, что готов на всё?» — читалось в их глазах.

Чжун Цай лучезарно улыбался, хотя в душе действительно торопился.

«Чего они застыли? — размышлял он. — Шевелитесь уже! Моему железному бро сейчас наверняка паршиво. Нельзя оставлять его одного в таком состоянии!»

***

Чтобы не заставлять сватов ждать, дамы взялись за дело со всей прытью. Меньше чем за час юноша преобразился до неузнаваемости.

В спешке мужское свадебное платье подготовить не успели, поэтому на Чжун Цая нацепили ярко-алое женское платье, расшитое драгоценными камнями. Наряд был ослепительно красив. К счастью, учитывая пол «невесты», с белилами и румянами усердствовать не стали, ограничившись лишь парой штрихов и простыми украшениями, которые подчеркнули природное обаяние юноши.

Чжун Цай встал перед зеркалом в полный рост и крутанулся на месте. Подол взметнулся алым облаком. Платье сидело как влитое и, честно говоря, смотрелось весьма недурно.

— Ну, — решительно скомандовал он, — несите покрывало. Пора накрываться.

Дамы лишь переглядывались в изумлении. Поистине, день великих открытий! Мало того что парень не разгневался из-за женского наряда, так он, похоже, ещё и ловил от этого удовольствие?

Чжун Цай сам выхватил красное покрывало из рук служанки и накинул его на голову.

«Ну подумаешь, буду роковой красоткой, — усмехнулся он про себя. — Тоже мне, трагедия. Давайте уже, шевелитесь, медлительные вы создания!»

***

Семью У нельзя было назвать ни излишне щедрой, ни чрезмерно суровой.

Для сватовства и сопровождения невесты они прислали У Шаоаня — прямого потомка ветви, состоявшего в близком родстве с У Шаоцянем. Их отцы были родными братьями, а сами юноши имели общих предков по прямой линии.

Вместе с ним прибыли пять-шесть влиятельных управляющих. Сам Шаоцянь не явился: разрушение сопутствующего сокровища нанесло удар по его душе, оставив его в крайнем изнеможении. Он едва мог стоять на ногах, не говоря уже о долгой церемонии.

В это время У Шаоань восседал в главном зале Чжун, лениво потягивая чай и слушая вежливую болтовню местных старейшин. Разумеется, все люди У уже знали, что вместо одной из трёх «жемчужин» за Шаоцяня отдадут юношу из прямой ветви, чьи таланты не стоят и ломаного гроша, но который якобы безумно влюблён и готов на всё ради своего кумира.

Управляющий Хэ, верный человек матери Шаоцяня, едва сдерживал гнев. Он уже открыл было рот, чтобы высказать всё, что думает об этой «замене», но Шаоань остановил его жестом.

У Шаоань рассуждал иначе. Выдавать талантливую красавицу за нынешнего Шаоцяня было бы неоправданным расточительством. Он бы и сам не прочь забрать этих девушек в свой гарем, чтобы те родили ему одарённых наследников.

Управляющий Хэ прибыл как представитель девятой ветви и личный посланник Ян Цзинфэй. Хотя он не стал спорить с Шаоанем при посторонних, лицо его оставалось мрачнее тучи.

— Успокойтесь, управляющий Хэ, — небрежно бросил Шаоань. — Насильно мил не будешь.

Сейчас Шаоцяню нужно именно то, что даётся добровольно.

Хэ Чжоу на миг замер.

В его словах была доля истины. Как бы ни было больно это признавать, покалеченный Шаоцянь перестал быть завидной партией. Вряд ли какая-нибудь красавица пошла бы за него по доброй воле, и ещё неизвестно, принесли бы пользу таланты этих девиц. Но искренняя преданность... в ней было куда больше надежды.

И всё же то, что среди всех отпрысков клана Чжун нашёлся лишь один «неудачник» Низшего ранга, готовый на этот брак, глубоко задевало управляющего.

— Ваша правда, господин Шаоань, — холодно усмехнулся Хэ Чжоу. — Впрочем, в нынешнем состоянии нашему Шаоцяню, пожалуй, всё едино — что Таинственный ранг, что Низший.

Старейшины Чжун неловко заерзали. Они и вправду не решились отдать своих лучших дочерей, и какие бы красивые оправдания ни придумывали, суть оставалась ясна. Одно дело — соблюсти приличия, и совсем другое — столкнуться с чужим недовольством. Пришлось терпеть колкости молча.

***

Чжун Цай величаво выплыл из комнаты. В алом платье, с головой, скрытой под красным шёлком, он казался хрупким и изящным — вылитая «прекрасная невеста».

Двор постепенно заполнялся людьми. При виде этого зрелища многие невольно ахнули. Члены других ветвей клана принялись шептаться, не сводя с него глаз:

— Неужели в четвёртом доме все сыновья такие?

— Надо же, вылитая девица! Даже и не скажешь...

— Если бы я своими глазами не видел, как он заходил переодеваться, ни за что бы не поверил!

Родня из его собственной ветви даже не знала, как реагировать — стыдиться или удивляться. Такого поворота они не ожидали. Чжун Гуаньлинь был плодовит, и Чжун Цай был одним из младших, так что старшие братья и сёстры почти не знали его характера, а сверстники воспитывались отдельно.

А теперь... он вёл себя так, словно женское платье было для него самой привычной одеждой! В душах присутствующих поселилось странное, необъяснимое чувство.

***

Сквозь ткань покрывала юноша ничего не видел, но почувствовал, как к нему приблизился мужчина с сильной аурой и вложил в руки шкатулку. От предмета исходило тепло, отозвавшееся в его душе узнаванием — это был Плод Укрепления Души.

Дарителя не нужно было угадывать — это был его отец. Плод для Чжун Цая мог добыть только он сам или его ближайший родитель.

— Сынок, — раздался вкрадчивый голос Гуаньлиня, — держи крепко. Живи в мире и согласии, и не забывай старика-отца, заглядывай в гости, когда выпадет время.

Чжун Цай крепче прижал шкатулку к груди и склонился в поклоне.

— Благодарю отца за напутствие. Не беспокойтесь обо мне.

Гуаньлинь легонько похлопал сына по плечу. В его душе шевельнулась запоздалая грусть. Отрезанный ломоть... Теперь его сын станет частью семьи У, и какая бы судьба его там ни ждала, клану Чжун до этого больше не будет дела.

***

Сам же Чжун Цай никакой грусти не испытывал. Ему казалось, что время тянется невыносимо медленно. Окружённый толпой родственников, он нетерпеливо отстранил служанку, попытавшуюся поддержать его под локоть, и бодро зашагал вслед за всеми к выходу.

Двигался он так резво, словно боялся опоздать. Провожающие едва поспевали за ним, на ходу вкратце пересказывая новости о сватах. Чжун Гуаньлинь, глядя вслед сыну, который едва не бегом пустился под венец, задумчиво потер подбородок.

«Весь в меня, — подумал он. — Если уж что втемяшится в голову, так не остановишь».

***

В главном зале послышался перезвон колокольчиков и шум шагов. У Шаоань отставил чашку. К нему навстречу стремительно вошла фигура в алом. Покрывало скрывало лицо юноши, так что рассмотреть «невесту» было невозможно.

Шаоань помедлил, затем поднялся и вежливо произнёс:

— Рад встрече с будущим «младшим братом». Приятно познакомиться.

Чжун Цай повернул голову в его сторону. Его голос прозвучал на удивление спокойно:

— И мне весьма приятно. Однако время не ждёт, и я хотел бы поскорее встретиться со своим супругом. Надеюсь, будущий кузен не обидится на мою поспешность.

«Этот идиот говорит сплошными колкостями, — отметил про себя юноша. — Похоже, он не слишком жалуется моего Шаоцяня. Прямо бесит».

Улыбка Шаоаня на миг застыла. Управляющий Хэ, напротив, удивлённо моргнул, и его взгляд немного смягчился.

— Раз всё готово, не будем медлить, — объявил Шаоань. — Чем скорее вернёмся, тем быстрее поможем Шаоцяню.

Стоило ему замолчать, как он заметил, что Чжун Цай едва заметно подался вперед, всем своим видом выказывая нетерпение. Больше Шаоань не сказал ни слова и лишь подал знак своим людям.

Хэ Чжоу немного помолчал, а затем обратился к хозяевам:

— Мы не знали, что невестой будет молодой господин, и приготовили обычный паланкин. Если время позволяет, мы можем заменить его на открытый экипаж...

Хотя поначалу управляющий был взбешён подменой одарённой девы на бесталанного юношу, сейчас он невольно проникся симпатией к Чжун Цаю.

— Управляющий Хэ, — прервал его Шаоань, — не стоит заставлять Шаоцяня ждать.

Хэ Чжоу вспыхнул от гнева, но юноша мягко вмешался:

— Благодарю за заботу, управляющий, но я и сам хочу поскорее увидеть господина Шаоцяня.

Гнев управляющего мгновенно утих. Он решил, что пусть таланты юноши и скромны, но сердце у него золотое — преданное и открытое. В нынешнем состоянии Шаоцяня такой спутник мог оказаться куда лучше заносчивых красавиц. Если раньше он говорил о «неразличимости рангов» с издёнкой, то теперь искренне верил: этот парень стоит всех «жемчужин» клана Чжун вместе взятых.

А вот настроение Шаоаня окончательно испортилось.

— Тогда в путь! — провозгласил Хэ Чжоу. — Провожающие, следуйте за мной!

Глава семьи Чжун, весьма довольный поведением сына, с улыбкой кивнул:

— Прошу.

***

У ворот поместья Чжун свадебный паланкин, убранный с невероятной пышностью, ожидал своего часа под охраной многочисленных слуг. Поодаль уже собралась толпа горожан. Клан Чжун был уважаем в городе, а личность У Шаоцян и вовсе была легендарной, поэтому люди смотрели с любопытством, но перешёптываться не смели. Слишком уж трагичным было положение великого гения, и никто не хотел навлекать на себя гнев клана У лишним словом.

Процессия тронулась. Жители города видели, как «невеста» грациозно скользнула в паланкин под праздничную музыку и звон литавр. Никто не посмел следовать за ними, и лишь когда свадебный отряд скрылся из виду, люди начали обмениваться догадками.

— Размах впечатляет...

— Бедный господин Шаоцян, как он там теперь?

— Говорят, его душа на грани распада. Видимо, поэтому так спешили со свадьбой. Интересно, кого из дочерей Чжун отдали за него?

— Наверняка кого-то из прямых наследниц, иначе в этом нет смысла.

— Жаль сестёр Чжун, — прошептал кто-то. — С их талантами выйти за калеку...

Слово «жаль» повисло в воздухе: произнести его вслух никто не решился.

***

Падение У Шаоцян стало потрясением для всех. И хотя большинство искренне сочувствовало ему, находились и те, кто втайне потирал руки. Конкурирующие кланы наверняка праздновали победу, хоть и старались не показывать этого открыто. Впрочем, скоро эти разговоры сойдут на нет — клан У всё ещё был слишком могуществен, чтобы позволить кому-то глумиться над своей бедой.

Паланкин был просторным и удобным, но Чжун Цай не думал оценивать его роскошь. Он лишь мерно отсчитывал время, прикидывая, сколько осталось до цели. Дом семьи У находился на улице Уян — всего в паре кварталов, но из-за торжественности хода и широких улиц путь занял почти час, даже несмотря на то, что носильщики были опытными мастерами.

Возле поместья У их встречали прохладно. Народу собралось немало, но в их действиях не было ни капли искренности — всё делалось лишь ради соблюдения приличий. До радушия клана Чжун им было далеко.

Выполнив свою миссию, У Шаоань тут же откланялся и ушёл к себе. Управляющие, представлявшие разные ветви клана, тоже поспешили разойтись, чтобы доложить новости своим господам. Только управляющий Хэ остался, чтобы проводить паланкин в сад Чунсяо. Там уже всё было готово к церемонии.

***

Паланкин коснулся земли. Чжун Цай, поддерживаемый служанкой, вошёл в праздничный зал. Он прислушался: вокруг царила тишина, не было слышно гомона гостей. Похоже, на церемонию никого не позвали. Юноша замер на месте.

— Поклон родителям! — зычно провозгласил Хэ Чжоу.

Чжун Цай послушно поклонился.

— Поклон Небу и Земле!

Служанка помогла ему развернуться к выходу, и он совершил второй поклон.

— Запись в родословную!

Чжун Цай застыл в ожидании. Вскоре под край его покрывала просунули тонкий лист серебряной фольги — это была родословная девятой ветви. Скользнув по ней взглядом, он увидел своё имя, вписанное в графу законной супруги У Шаоцяня.

Внезапно раздался властный, холодный мужской голос:

— Управляющий Хэ, проводите гостя к Шаоцяню.

— Слушаюсь, глава семьи, — почтительно отозвался старик.

В следующее мгновение в зале словно пронёсся сквозняк — это ушли высокопоставленные родители. Свадебная церемония, едва начавшись, была окончена в спешке и без тепла.

— Господин Чжун Цай, — негромко произнёс Хэ Чжоу, — пойдёмте к господину Шаоцяню.

Чжун Цай коротко ответил согласием, следуя за служанкой. Под красным шёлком его лицо

заледенело. «Высокие родители» мгновенно попали в его личный «чёрный список». Какая вопиющая холодность! Собственный сын в беде, а они даже не удосужились сказать пару добрых слов его супругу. Предали и забыли. Как будто он им не родной.

***

Когда служанка довела Чжун Цая до дверей спальни и поспешно удалилась, он остался сидеть на краю кровати. Хэ Чжоу мягко начал:

— Господин Шаоцянь, это...

Но закончить он не успел. Слабый голос из глубины комнаты прервал его:

— Дядя Хэ, оставь нас. Я всё знаю.

Управляющий помедлил, тяжело вздохнул и тихо вышел, прикрыв за собой дверь. В комнате воцарилась гробовая тишина. Послышались медленные, тяжёлые шаги. Кто-то подошёл к нему, остановившись на почтительном расстоянии.

— Я не хотел обременять тебя этой участью, — глухо произнёс голос. — Если ты...

Чжун Цай узнал этот голос в ту же секунду. Убедившись, что в комнате больше никого нет, он не выдержал. Одним резким движением сорвав с себя покрывало, он расплылся в самой широкой, самой яркой улыбке, на которую был способен.

— Старина У! Тебе жена часом не нужна? — выдал он бодрым, певучим голосом.

У Шаоцянь, ожидавший чего угодно, только не этого, уставился на него. На его измождённом лице отразился истинный ужас вперемешку с изумлением.

— Чжун... А-Цай?!

Чжун Цай когда-то прозвал У Шаоцяня Немало денег, постоянно подшучивая над его привычкой сорить золотом, словно последний простофиля. Тот в ответ тоже не оставался в долгу, и со временем это прозвище прочно закрепилось за ним. Сам же Чжун Цай был тем ещё «овощем» в плане боевых искусств, поэтому Шаоцянь прозвал его А-Цаем.